

DOI 10.15826/izv2.2025.27.4.067
УДК 94(470.54)

В. П. Микитюк
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

БАНКРОТСТВА ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ КУПЦОВ (вторая половина XIX — начало XX века)

Торгово-промышленная деятельность екатеринбургского купечества во второй половине XIX — начале XX в. сопровождалась как успехами, так и неудачами, в том числе значительными. В некоторых случаях результатом неудач становилось банкротство. Такое важное явление предпринимательской деятельности как банкротство находилось под пристальным вниманием государства, которое с помощью ряда законодательных норм пыталось отслеживать умышленные банкротства и защищать права кредиторов. Согласно законодательству, по делам банкротов создавались администрации и конкурсные управления. Администрации были призваны не только выплатить долги банкрота кредиторам, но и вывести его бизнес из кризиса и дать ему возможность вновь заняться предпринимательской деятельностью. Главной задачей конкурсных управлений была защита интересов кредиторов. С этой целью все движимое и недвижимое имущество несостоятельного должника продавалось, а вырученные средства шли на уплату долгов банкрота.

В настоящей статье определяются основные причины, вызывавшие банкротства екатеринбургских купцов, кратко описывается процедура объявления предпринимателей несостоятельными должниками, механизм учреждения администраций и конкурсных управлений, их практическая деятельность. Выявлено, что во второй половине XIX — начале XX в. 99 екатеринбургских купцов были объявлены несостоятельными должниками, причем по их делам по требованию кредиторов и судебных органов было создано 6 администраций и 93 конкурсных управления. В основном администрации и конкурсные управления учреждались по инициативе судебных инстанций и кредиторов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Екатеринбургское купечество; банкротство; администрация; конкурсное управление

Ц и т и р о в а н и е: Микитюк В. П. Банкротства екатеринбургских купцов (вторая половина XIX — начало XX века) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 4. С. 194–208. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.4.067>

*Поступила в редакцию: 26.06.2024
Принята к печати: 05.12.2025*

Vladimir P. Mikityuk*Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russia***BANKRUPTCIES OF EKATERINBURG MERCHANTS
(Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)**

The commercial and industrial activities of the Ekaterinburg merchant class in the second half of the nineteenth century and early twentieth century were accompanied by both successes and failures, some of which were significant. In some instances, these failures resulted in bankruptcy. Bankruptcy, a significant aspect of entrepreneurial activity, was closely monitored by the state. The state implemented various legislative measures to identify deliberate bankruptcies and protect the rights of creditors. In accordance with bankruptcy legislation, administrations and bankruptcy departments were established. The administrations were tasked with two primary objectives: first, to settle the bankrupt's debts with their creditors, and second, to revitalize their business and provide them with the opportunity to resume their entrepreneurial activities. The main task of the bankruptcy departments was to protect the interests of creditors. To this end, all movable and immovable property of the insolvent debtor was sold, and the proceeds were used to pay the bankrupt's debts.

This article identifies the main causes of bankruptcy among Ekaterinburg merchants, briefly describes the procedure for declaring entrepreneurs insolvent debtors, the mechanism for establishing administrations and bankruptcy proceedings, and their practical activities. It is established that in the second half of the nineteenth century and early twentieth century, 99 Ekaterinburg merchants were declared insolvent debtors, and six administrations and 93 bankruptcy administrations were established in their cases at the request of creditors and judicial authorities. In most cases, the administrations and bankruptcy departments were established on the initiative of the courts and creditors.

Key words: Ekaterinburg merchants; bankruptcy; administration; bankruptcy management

For citation: Mikityuk, V. P. (2025). Bankrotstva ekaterinburgskikh kuptsov (vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka) [Bankruptcies of Ekaterinburg Merchants (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(4), 194–208. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.4.067>

*Submitted: 26.06.2024**Accepted: 05.12.2025***Введение**

В экономике Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. заметную роль играли представители купеческого сословия. Они вели активную торгово-промышленную деятельность, сталкиваясь при этом с разными проблемами, порой неразрешимыми. Банкротство (несостоятельность) было

одним из последствий неудач на предпринимательском поприще. Во второй половине XIX — начале XX в. банкротство, рассматриваемое как невозможность расплатиться с кредиторами [Барышников, с. 259], стало уделом целого ряда екатеринбургских купцов.

Банкротства купцов, их причины, деятельность администраций и конкурсов, учреждаемых по делам несостоятельных должников, нечасто привлекали внимание историков. Весьма редко в публикациях, посвященных конкретным представителям купечества, появлялись сведения об их банкротстве и причинах краха [Агеев, Микитюк; Байдин; Дмитриев]. Внимания деятельности администраций и конкурсных управлений также уделялось немного. Лакуны, характерные для этой темы, стали побудительным мотивом для написания данной статьи.

Банкротство, являвшееся неотъемлемой частью деловой жизни, не прошло мимо внимания законодателей. Эта проблема была отражена в Судебниках 1497 и 1550 гг. В дальнейшем внимание государства к банкротствам усилилось, что нашло отражение в издании серии законов, в том числе Устава о банкротах 1740 г., Устава о банкротстве 1800 г., Устава о торговой несостоятельности 1832 г., Устава судопроизводства торгового 1905 г., а также Торговых Уставов и т. д. Для изучаемого периода ключевую роль играл Устав о торговой несостоятельности 1812 г., действовавший с некоторыми изменениями до 1917 г. В первые десятилетия XXI в. появились работы, анализирующие историю становления и развития института банкротства в нашей стране, начиная с XI–XII вв. и заканчивая современностью [Зубанов; Слепышев; Егоров, Рожнова; Лабазанова]. В этих статьях основное внимание уделяется развитию института банкротства в современной России и анализируется соответствующее дореволюционное законодательство, причем отмечается, что в этот период законодателями была проделана значительная работа. В то же время ряд авторов указывает, что дореволюционному законодательству были присущи «неопределенность, законодательные пробелы в регулировании несостоятельности» [Егоров, Рожнова, с. 169]. Однако, несмотря на несовершенство, эти законодательные нормы действовали очень длительное время.

Екатеринбургские банкроты

Во второй половине XIX — начале XX в. разорение купцов было вполне обыденным делом. Данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют, что в изучаемый период не менее 99 екатеринбургских купцов было признано банкротами. Для отрезка времени почти в 70 лет этот показатель не выглядит впечатляющим: процент разорившихся по отношению к общему числу купцов всегда был небольшим. В 1850 г. в Екатеринбурге было зафиксировано наличие ста купцов, ведущих торгово-промышленные операции [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1318]. В течение года разорилась только купеческая вдова А. М. Третьякова, что составляет 1 % от общего количества купцов, имеющих свое

дело. В отдельные годы число банкротств незначительно росло. Так, в 1857 г. из 131 купца разорилось пятеро (3,82 %).

Распределение банкротств по десятилетиям изучаемого периода выглядит следующим образом. Двадцать банкротств приходится на 1850-е гг., т. е. это десятилетие дало 20,2 % от общего числа крахов. Наиболее «урожайными» оказались 1854, 1857 и 1858 годы. В 1854 г. несостоятельными были признаны три купца — П. И. Коробков, А. Д. Костин, М. Н. Третьяков, в 1857 г. эта участь постигла трех купцов (А. А. Емельянова, М. М. Редникова, П. Н. Муллова) и одну купчиху (К. Д. Григорьеву). В 1858 г. банкротами были признаны также четыре купца — А. Д. Красильников, А. П. Большаков, Ф. И. Завьялов, А. А. Заверткин. В 1860-е гг. банкротств оказалось меньше, чем в предыдущее десятилетие. Их выявлено восемь (8,08 % от общего числа крахов). В этот период обанкротились купчиха А. А. Ерусалимова и купцы К. Ф. Лемке, К. М. Лесин, И. Т. Протопопов и др. В 1870-е гг. разорилось 13 купцов (13,13 %). В этот перечень вошли Е. Я. Крупин, С. Ф. Печурин, Е. Г. Самохвалов, П. Я. Сапожников, братья Ушковы и ряд других.

1880-е годы дали большее число купцов, потерпевших крах. Всего выявлено 16 банкротств (16,16 %). В этот период разорились купцы К. А. Баландина, И. Е. Еремеев, И. П. Петров, В. С. Поляков, П. К. Потехин, Ф. Т. Сырейщиков, А. Н. Тихов, Е. В. Трубин, И. П. Трапезников, И. Г. Яринский и нек. др. В 1890-е гг. были объявлены несостоятельными должниками 17 купцов (17,17 %). Ряды банкротов пополнили купцы А. Ф. Афонин, А. В. и Т. В. Бородины, А. Я. Галчанинов, В. Е. Евдокимов, В. Г. Рыбаков, А. И. Королев, Н. И. Федотов, Е. С. Черных и т. д. В 1900-е гг. потерпело крах 16 екатеринбургских купцов (16,16 %), в том числе Д. И. Андреева, Н. Г. Бабилов, Г. И. Бахтияров, А. С. Бурдаков, И. И. Симанов, И. Ф. и С. Ф. Чистяковы. В 1910-е гг. разорилось семь представителей купечества (7,07 %), среди них были З. Х., К. Х. и К. Х. Агафуровы, А. И. и В. И. Афонины, А. П. Кожевников, А. Я. Шишов.

С определением точного количества купцов, обанкротившихся в 1890-е гг. и в начале XX в., есть сложности. Довольно долго в деловом мире России преобладали индивидуальные предприниматели, и это значительно облегчает подсчет числа банкротов. С ростом численности фирм разных типов, в том числе полных товариществ и товариществ на вере, ситуация с определением количества разорившихся стала более сложной. Фирмы также признавались банкротами, но из-за плохой сохранности учредительных документов трудно установить общее количество совладельцев той или иной фирмы и соответственно подсчитать число банкротов.

В отдельных случаях это не представляет сложности. Так, в 1890-е гг. среди несостоятельных оказался торговый дом «Сыновья Василия Матвеевича Бородина», во главе которого стояли два брата — А. В. и Т. В. Бородины. В 1900-х гг. разорилась фирма «Я. П. Андреева наследники». По решению суда несостоятельными были объявлены все наследники Якова Андреева [Дмитриев, с. 164]. В это число вошли Д. И., С. Я., П. Я. Андреевы, А. Я. Голованова, Е. Я. Круковская

и опеки над именем умерших Н. Я. и В. Я. Андреевых [К краху банкирской конторы..., с. 3].

Несмотря на вышеуказанную проблему, данные о количестве обанкротившихся екатеринбургских купцов можно признать относительно точными.

Причины банкротств

Разорение екатеринбургских купцов происходило под влиянием многих факторов. С некоторой долей условности их можно разделить на три группы — общероссийские, региональные и личные. Данная типология несовершенна, но ограничиваться ею вынуждает следующее обстоятельство: точные причины разорения большинства купцов остаются неизвестными. Из-за крайне плохой сохранности соответствующей документации приходится опираться на газетные публикации, в которых, как правило, информация о причинах разорения отсутствует.

К первой группе можно отнести факторы экономического и политического характера, в том числе реформы, кризисы, войны и революции, слабое развитие кредитно-финансовой системы. К региональным факторам можно отнести кризис горнозаводской отрасли, что оказывало мощное воздействие на все сферы торгово-промышленной деятельности, а также изменение ситуации на местном рынке, климатические катастрофы, неурожаи и т. д. Вышеуказанные факторы первой и второй групп имели место во второй половине XIX — начале XX в., причем они часто проявлялись одновременно, что оказывало сильное влияние на экономику и приводило к разорению ряда купцов. Болезненной была реакция купцов на военные конфликты, в основном из-за того, что страна оказывалась в состоянии войны со своими ведущими экономическими партнерами: в 1853–1856 гг. с Великобританией, в 1914–1917 гг. с Германией. В период Крымской кампании была почти парализована деятельность купцов, занимавшихся закупкой скота и сала-сырца, производством сала и сальных свечей с последующей их отправкой в Англию. Недоступность английского рынка стала одной из причин разорения ряда екатеринбургских купцов во второй половине 1850-х гг. Негативное влияние войны было усилено ростом конкуренции в золотодобыче, которой занимались многие екатеринбургские купцы, оперировавшие в Сибири и на Южном Урале. В конце 1840-х и в 1850-е гг. интерес к золотопромышленности проявили предприниматели из разных регионов, что привело к обострению конкурентной борьбы, результатом чего стал крах некоторых екатеринбуржцев, в том числе А. Д. Красильникова и П. И. Коробкова.

Среди основных региональных факторов, негативно влиявших на бизнес, существенное место занимают неурожаи. Они подрывали покупательную способность большей части потребителей, вызывали заметный рост цен почти на все товары и услуги, в том числе на перевозку товаров. Сильное воздействие на экономику региона оказал неурожай конца 1880-х — начала 1890-х гг.

В частности, в очень непростой ситуации оказались купцы-мукомолы. Они столкнулись с нехваткой сырья для мельниц, а также с ростом его стоимости, что не замедлило сказаться на оборотах мукомолов. В 1890 г. объем продаж муки купцом Ф. А. Малиновцевым оценивался в 247 тыс. руб. [ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 134, л. 28], а в 1891 г. он упал до 59 тыс. руб. [ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 148, л. 34]. Таким образом, годовой оборот Малиновцева сократился на 188 тыс. руб., или почти на 76 %. У других мукомолов снижение объемов продаж было менее радикальным. У купца Д. Е. Ларичева он с 335 тыс. руб. [ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 134, л. 26] упал до 300 тыс. руб. [ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 148, л. 31]; у И. И. Симанова с 325 тыс. руб. [ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 134, л. 38] до 270 тыс. руб. [ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 148, л. 47].

Почти все купцы-мукомолы на стыке 1880–1890-х гг. понесли убытки: для некоторых они стали причиной банкротства. Так, последствия неурожая привели к краху торгового дома «Сыновья Василия Матвеевича Бородина». Еще одной причиной краха этой фирмы стало падение прибыльности салотопенного дела и торговли салом. Одновременное влияние двух негативных факторов привело Бородиных к банкротству [Дело о несостоятельности, с. 93].

Среди индивидуальных причин банкротства можно выделить следующие: неправильный выбор стратегии развития фирмы, неудачные финансовые операции, запоздалую реакцию на изменение рыночной конъюнктуры, ошибки при подборе служащих, склонность к расточительству и т. д.

В ошибочном выборе направления предпринимательской деятельности можно упрекнуть многих купцов. Осуществляя его, купцы часто вкладывали средства в те виды бизнеса, занятия которыми уже имели массовый характер. Многие екатеринбургские купцы охотно пополняли ряды золотодобытчиков, салотопенных заводчиков, винокуров и мукомолов, несмотря на то, что этими видами деятельности уже занималась масса предпринимателей. Это усиливало конкуренцию и вело к краху некоторых купцов.

Многим купцам была присуща легкомысленность при решении финансовых вопросов. Служащий Госбанка А. И. Кожевников, знакомый с деловой практикой купечества, писал: «Русский купец недостаточно внимателен к текущему ходу событий. С одной стороны он делает громадный сбыт своего товара в кредит, не соизмеряясь с тем, насколько его кредитор обладает платежными силами и пр. И с другой: сам кредитует на сумму, в громадном количестве превышающую его наличный капитал, что, разумеется, не может быть отнесено к нормальному порядку вещей и никогда не поведет к правильному функционированию организации» [Письма с Ирбитской ярмарки, с. 3].

Кожевников очень точно определил особенности ведения дел российскими купцами. Дефицит оборотных средств был присущ почти всем купцам, поэтому в момент совершения сделок только часть купленного оплачивалась наличными, на оставшуюся к уплате сумму выписывались векселя и долговые расписки. Как правило, купцы не располагали надежной информацией о состоянии финансов партнеров, поэтому большинство сделок имело рискованный характер.

Известны случаи, когда причиной банкротства становились просчеты купцов при подборе штата служащих. Купцам, ведущим обширную торговлю в разных населенных пунктах, было сложно контролировать работу приказчиков, что давало последним возможность для растрат хозяйского капитала. Иногда такие растраты достигали солидных сумм и становились причиной краха владельца фирмы. Купец Ф. И. Завьялов, объявивший себя банкротом в 1858 г., причиной краха считал проделки приказчиков. В частности, он указывал, что «нанесено ему убытка одним из приказчиков алапаевским мещанином Осипом Широких более 12½ тыс. руб. серебром; посланным им с товарами и документами в марте месяце 1856 г. на Чумлякскую Алексеевскую ярмарку для торговли и получения долгов; который, сделав на этой ярмарке значительную продажу товаров и получения долгов, отправился на Куртамышскую Благовещенскую ярмарку, откуда со всею вырученную суммой и товарами на значительную сумму бежал» [ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 1663, л. 101]. Жаловался Завьялов и на других приказчиков, также допустивших растраты его капитала.

В некоторых случаях разорение становилось следствием стечения разных неблагоприятных обстоятельств: иногда почти одновременно начинали действовать сразу несколько факторов, вызывавших банкротство. В первое десятилетие XX в. купечество испытало воздействие кризиса и затяжной депрессии, отрицательный эффект от которых был усилен русско-японской войной и революцией 1905–1907 гг. Русско-японская война нарушила работу железнодорожного транспорта, и это ударило по многим купцам. Основную причину банкротства купца Г. А. Логинова знающие люди видели именно в этом: «Не имея возможности получить своевременно товара благодаря неправильной работе железной дороги почти с самого начала японской войны, Логинов, как, конечно, и другие торговцы, терпел большие убытки от невозможности оборачивать затраченный на покупку товаров капитал возможно большее количество раз, также от невозможности удовлетворить покупателя, благодаря отсутствию ассортимента товаров, что, конечно, влекло за собой те последствия, что часть товаров залеживалась, и затраченные на покупку их деньги не могли быть пущены в оборот и не приносили никакой пользы» [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1986, л. 60].

На цепь неблагоприятных событий указывали разорившиеся коммерсанты Корольковы: «Если бы не случилось того исключительного кризиса на Урале, который вызвал разорение весьма многих фирм и вследствие этого неплатеж нам долгов самыми крупными из наших должников, — утверждали они, — то мы бы с честью вышли из затруднительного положения» [ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 4863, л. 105]. Кроме того, купцы указывали, что они понесли убытки в результате разных несчастных случаев, в том числе гибели обоза с рыбой, провалившегося под лед, и утраты нескольких вагонов с товарами, сгоревших в 1905 г. в Одессе в результате артиллерийского обстрела [Там же, л. 141 об.].

В купеческой среде периодически появлялись деятели, которые вели так называемый праздный образ жизни. Как правило, это были люди, получившие

наследство. Располагая средствами, они предпочитали тратить их на роскошную жизнь. Склонность к праздной жизни встречалась и в среде екатеринбургских купцов. В одном из документов говорится: «...купец Иван Яковлев Рязанов проживает в Екатеринбурге, не занимаясь никакой полезной профессией и ведет жизнь самую расточительную, надавал большое количество векселей и по ним уплаты не делает, отзываясь на дядю своего, и последний заплатил за него 20 тыс. руб. и платить более отказался» [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1919, л. 201]. Данных о том, что И. Я. Рязанов был объявлен банкротом, не обнаружено, однако, часть его имущества в 1867 г. была выставлена на продажу [Торги, 1866, ч. оф., с. 394].

Среди индивидуальных причин разорения особое место занимают умышленные банкротства. Некоторые купцы сознательно вели рискованные операции, выдавая векселя, почти ничем не обеспеченные. Со временем они оказывались на грани краха, о чем сообщали кредиторам, прибегая при этом к шантажу. Потенциальные банкроты запугивали своих кредиторов тем, что в случае учреждения конкурса, последние получат расчет неизвестно когда и в самом незначительном размере. Кредиторы, боясь убытков, шли на уступки и соглашались получить часть долга. Как правило, такие сделки совершались тайно, информация о них скрывалась как от судебных органов, так и от деловых кругов, вынужденных довольствоваться слухами. В силу этой практики установить число умышленных банкротств практически невозможно.

Процедура банкротства

В законодательных нормах процедура объявления купцов банкротами, а также механизм создания администраций и конкурсов были изложены весьма обстоятельно. Купец, не имеющий возможности своевременно уплатить долги, должен был поставить в известность об этом судебные органы и своих партнеров. Как правило, именно так купцы-банкроты и поступали. После объявления банкрота о прекращении платежей по долгам в дело вступали как судебные органы, так и кредиторы.

В 1850-е и в первой половине 1860-х гг. дела банкротов в Екатеринбурге рассматривали уездный суд и городской магистрат. Иногда они действовали порознь, а в отдельных случаях создавали общее присутствие. В обоих случаях эти учреждения, оценив состояние дел разорившегося, принимали решение об объявлении его банкротом. Так, в конце 1862 г. общее присутствие постановило: «От общего Екатеринбургских уездного суда и городского магистрата присутствия объявляется, что по определению сего присутствия, постановленному 19 ноября 1862 г., екатеринбургский 3-й гильдии купец Карл Федоров Лемке объявлен несостоятельным должником» [Несостоятельность, 1863, 15 февраля, ч. оф., с. 28]. 24 мая 1863 г. подобное решение было принято одним магистратом, сообщившим, что «екатеринбургский 2-й гильдии купец Кирилло Михайлов Лесин объявлен несостоятельным должником к платежу вступивших на него долгов» [Несостоятельность, 1863, 26 июля, ч. оф., с. 135].

Резолюции городского магистрата и уездного суда, помимо объявления разорившегося купца несостоятельным должником, содержали однотипные требования ко всем присутственным местам: «1) наложить запрещение на имение недвижимое должника и арест на движимое, буде таковое в их ведомстве находится; 2) сообщить в Екатеринбургский городской магистрат о своих требованиях на несостоятельного должника, или о суммах, следующих ему от оных мест и начальств. Частные же лица имеют объявить магистрату: 1) о долговых требованиях своих на несостоятельного и суммах ему должных, хотя бы тем и другим еще сроки к платежу не наступили, 2) о имении несостоятельного, находящемся у них в сохранении, или закладе, и обратно о имуществе, отданном несостоятельному на сохранение или под заклад» [Несостоятельность, 1864, 12 марта, ч. оф., с. 45].

Во второй половине 1860-х гг. городские магистраты были упразднены: в 1866–1872 гг. решения по делам несостоятельных должников находились в ведении уездных судов, а затем они перешли под юрисдикцию окружных судов. В прессе стали появляться такие сообщения: «От Екатеринбургского окружного суда сим объявляется, что по определению его, состоявшемуся 8-го мая сего года, бывший екатеринбургский купец, отставной фельдшер, Иван Петров Петров признан несостоятельным должником» [Объявление, 1879, 20 июня, ч. неоф., с. 234]. В начале XX в. к рассмотрению дел разорившихся был подключен комитет Екатеринбургской товарной и горнопромышленной биржи. Его роль сводилась к изучению дел банкрота, выбору формы внешнего управления (администрация или конкурс) и представителей от биржевого общества в вышеназванные учреждения по делам несостоятельных должников.

Как правило, у судебных органов уходило немалое время на изучение состояния дел разорившихся купцов, а также на учреждение администраций или конкурсов. В качестве временной меры законом предусматривалось учреждение должности присяжного попечителя, который ведал делами должника до учреждения конкурсного управления. Присяжный попечитель должен был озаботиться удовлетворением кредиторов банкрота и организовать распродажу его недвижимого и движимого имущества, в том числе товаров.

В тех случаях, если кредиторы опасались того, что банкрот может скрыть от них свое имущество и исказить данные в торговых книгах, они настаивали на заключении разорившегося в тюрьму. Судебные органы в этом вопросе нередко были солидарны с кредиторами. Время от времени появлялись следующие постановления: «Определением Екатеринбургского окружного суда от 4 сентября с. г. екатеринбургские купцы бр. Ил. и Ст. Чистяковы, торгующие под фирмой “Торговый дом бр. Чистяковы” объявлены несостоятельными должниками, причем постановлено согласно требованию закона заключить их под стражу, а о розыске их сделать публикацию в установленном порядке» [Объявление несостоятельности, с. 2]. Заключение в тюрьму банкроты воспринимали болезненно и нередко стремились скрыться от правосудия. К этому их подталкивало и то, что процедура препровождения в тюрьму порой приобретала

издательский характер. Деловому сообществу было известно, что С. И. Мамонтова, объявленного несостоятельным, в тюрьму вели пешком «через всю Москву» [Боханов, с. 176].

Изучение дел банкротства включало в себя знакомство со всеми нужными документами, в том числе со счетами, торговыми и другими аналогичными книгами, а также выявление и опись имущества должника. Одновременно устанавливались кредиторы банкротства и сумма долга каждому из них, его должники и суммы, которые должны были поступить на счета разорившегося. Если документация была в порядке и не содержала подчисток и приписок, то знакомство с делами банкротства было сравнительно быстрым, в противном же случае оно затягивалось надолго. Сложным делом было оповещение кредиторов о банкротстве их должника, так как многие из них проживали как вне Екатеринбургa, так и за пределами региона. Например, екатеринбургский купец Ф. И. Завьялов, объявляя себя банкротом, указал, что он должен 46 партнерам, причем 18 из них были московскими купцами. Помимо этого, среди его кредиторов были купцы из Богородска, Екатеринбургa, Вознесенского и Павловского посадов, Кишинева, Шадринска и Ярославля [ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 1663, л. 100 об.–101].

По мере совершенствования средств связи и массовой информации процедура оповещения кредиторов приобрела менее сложный характер.

После изучения состояния дел банкротства кредиторы и судебные органы определяли, что учреждать — администрацию или конкурсное управление (конкурс). Если кредиторы и судебные органы приходили к выводу, что дела банкротства безнадежны, то принималось решение о создании конкурсного управления. В том случае, если большинство кредиторов было уверено, что бизнес банкротства можно спасти, то создавалась администрация. В 1913 г. решалась судьба торгового дома «Бр. Агафуровы», прекратившего платежи. И большинство кредиторов, и местное биржевое общество были за учреждение администрации. Мотивация была следующей: «Дело торгового дома “Бр. Агафуровы” представляет собой обширное хорошо поставленное торговое предприятие с годовым оборотом до семи млн рублей, что торговый дом “Бр. Агафуровы”, существуя тридцать лет и имея склад в Екатеринбургe и отделения в Перми и Тюмени, является самым крупным посредником по сбыту разнообразных товаров на Урале, в Прикамском крае и в Сибири и что состояние его счетов не дает никакого основания к объявлению его несостоятельным должником и дает полную надежду на восстановление его расстроенных дел» [ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 38, л. 84].

Администрации были призваны не только удовлетворить кредиторов, но и вывести банкротства из кризиса и вернуть ему его бизнес. По сути дела, администрации брали на себя предпринимательскую функцию и вели все торгово-промышленные дела банкротства. Полученную прибыль администрация распределяла так: часть шла на выплату долгов, часть вкладывалась в дело, еще одна часть шла на содержание банкротства. По уплате долгов администрации прекращали работу и возвращали фирму ее старому хозяину, получавшему возможность вернуться к предпринимательству.

Установлено, что за изучаемый период в Екатеринбурге было учреждено 6 администраций и 93 конкурсных управления. Это ясно свидетельствует, что симпатии кредиторов и судебных органов были не на стороне администраций. Тем не менее, некоторые банкроты и их наследники предпринимали немалые усилия, чтобы заменить конкурсное управление на администрацию. Подобные случаи известны и в Екатеринбурге. В частности, отмены решений о создании конкурсов и замене их администрациями добились П. И. Коробков и наследники А. Д. Красильникова. Летом 1863 г. городской магистрат объявил, что им «вместо конкурсного управления, существовавшего в г. Екатеринбурге, по делам несостоятельного должника Полиевкта Коробкова, ныне учреждена администрация» [Учрежденная администрация, ч. оф., с. 128].

Подобное случилось и с наследниками Красильникова. Купец 2-й гильдии А. Д. Красильников был объявлен несостоятельным должником 27 октября 1854 г. [О несостоятельности, ч. оф., с. 127]. Конкурсное управление по его делам начало готовить торги, но столкнулось с затруднениями. Оказалось, что Красильников, скончавшийся около 1855 г., успел составить духовное завещание, по которому его имущество переходило во владение его сестры «екатеринбургской мещанской вдовы Ксении Дмитриевой Григорьевой и дочери ее купеческой 2-й гильдии вдовы Леониды Петровой Жуковой с ее сыном Николаем» [О совершенных крепостных актах, ч. оф., с. 130]. Выяснилось также, что Красильников, участник нескольких паевых золотопромышленных фирм, часть своих паев успел продать все той же Л. П. Жуковой.

Из-за этих проблем конкурсное управление продлило свои действия до начала 1860-х гг. Наследники Красильникова использовали этот момент: они добились ликвидации конкурса и учреждения администрации, которая начала функционировать 2 мая 1861 г. Действовала она неспешно, и была закрыта лишь 13 ноября 1887 г. [Объявление, 1888, 17 янв., с. 75]. Всего конкурсное управление и администрация по делам Красильникова действовали в течение 23 лет.

Основная задача конкурсных управлений состояла в наиболее полном удовлетворении кредиторов. Конкурсы тщательно изучали документацию банкрота, отслеживали денежные потоки, выявляли его недвижимое и движимое имущество и по мере обнаружения продавали. Нижеследующее объявление типично: «Конкурсное управление, учрежденное в городе Екатеринбурге по делам несостоятельного торгового дома братьев Дмитрия, Евтихия, Константина и Льва Ушковых, сим объявляет, что 8 числа июня месяца сего года в 6 часов пополудни в присутствии конкурсного управления, помещающегося в 1-й части г. Екатеринбурга в доме Волжско-Камского коммерческого банка, будет по определению общего собрания кредиторов продаваться с публичного торга водяная мукомольная мельница с каменным двухэтажным домом и другими строениями, а также с землей в количестве четырех десятин 400 квадратных сажень, состоящая на реке Арамилке близ деревни Патрушевой Екатеринбургского уезда, доставшаяся Ушковым по купчей крепости, отмеченной под № 246 в крепостном

реестре Екатеринбургского нотариального архива за 1875 г. Торг начнется с 2 000 рублей; покупатель при покупке обязан внести 20 % с покупной цены, а остальную сумму в течение 10 дней» [Объявление, 1879, 5 мая, с. 179]. В других случаях в продажу шли всевозможные товары и мн. др. Конкурсное управление по делам П. Я. Сапожникова выставило на торги «шелковые, бумажные, гарусные и суконные товары, по оценке на сумму 9 037 руб. 63¼ коп.» [Продажа имений, ч. оф., с. 88]. У К. А. Баландиной помимо имущества и торгово-промышленных заведений в 1888 г. были проданы ее бриллиантовые украшения [Объявление, 1888, 3 янв., с. 30].

Продажа имущества банкротов редко приносила большую прибыль. Как правило, эта процедура предусматривала первые и вторые торги. Для первых торгов имущество банкрота оценивалось высоко, для вторых же торгов (переторжки) цена на него снижалась, порой значительно. Так, каменный дом банкротов С. И. и В. С. Поляковых 19 ноября 1883 г. был выставлен на торги за 10 тыс. руб. [Объявление, 1883, 19 окт., с. 673]. 8 марта 1884 г. этот же дом продавался уже за 7 тыс. руб. [Объявление, 1884, 1 февр., с. 108].

Порой участники торгов заранее сговаривались о совместных действиях. Подобный сговор чаще всего заключался в игнорировании первых торгов, что автоматически влекло за собой снижение цены на продаваемое имущество. Порой имел место предварительный сговор, определявший потенциального покупателя. По-видимому, именно так произошло на торгах, на которых продавалась Ивановская крупчатная мельница И. И. Симанова. Торги состоялись 16 сентября 1906 г. Мельница, которая ранее оценивалась в 500 тыс. руб., на торгах продавалась за 110 тыс. руб. Покупатели, торгуясь, дошли до 180 тыс. руб., после чего один из участников добавил к этой сумме три рубля, и мельница осталась за ним [Торги, 1906, 17 сент., с. 3].

Возможность покупки имущества банкротов по низкой цене привлекала потенциальных покупателей, но не оставляла шансов кредиторам возместить свои убытки. Впрочем, мало кто из кредиторов рассчитывал на их полное возмещение. Кредиторы часто шли на сделки как с банкротами, так и с купцами, оказавшимися на грани краха, стремясь получить хотя бы часть долга. Купец Ф. А. Малиновцев, задолжавший партнерам от 500 до 600 тыс. руб., предложил им сделку. Ее суть изложила пресса: «Малиновцев платит 70 коп. за руб. — в три срока — сейчас 30 коп. — через год 20 коп. и через два года остальные 20 коп. Кредиторы считают получение 70 коп. в два года выгоднее учреждения конкурса. По балансу, представленному г. Малиновцевым кредиторам, актив выведен больше пассива, по балансу имеется на каждый рубль — 1 руб. 10 коп., но баланс составлен, как передают, глухо, оценка недвижимости высока, и в него включено 84 986 руб. 49 коп. сомнительных долгов за разными лицами» [Соглашение с кредиторами, с. 2]. Сделка Малиновцева с кредиторами состоялась, поскольку его предложение уплаты 70 коп. на каждый рубль долга было крайне выгодным. Чаще всего кредиторам приходилось довольствоваться получением менее 50 коп. на рубль.

Несмотря на это, кредиторы, не верившие в эффективность администраций и конкурсов, шли на негласные соглашения с должниками. Кредиторов особенно раздражал срок их действия, который порой затягивался на десятилетия, как это было, например, с конкурсом и администрацией по делам А. Д. Красильникова. Впрочем, это было скорее исключение из правил, так как чаще всего время действия конкурсных управлений составляло не более двух лет. Как правило, подобное имело место в случае разорения предпринимателей, не обладавших сколько-нибудь значительным недвижимым и движимым имуществом. В отдельных случаях срок действия конкурса был предельно кратким. Так, например, было с ликвидацией дел обанкротившегося купца Н. Г. Бабикова. Конкурсное управление по его делам было открыто в начале 1905 г., а в марте того же года оно было закрыто. По мнению знающих людей, такой успех объяснялся умелыми действиями председателя конкурса присяжного поверенного Н. В. Синельникова [Закрытие конкурса, с. 2].

После продажи имущества, закрытия администраций и конкурсных управлений злостные банкроты продолжали, так как их дела находились в ведении судебных инстанций, обязанных определить характер несостоятельности. Банкротства могли быть признаны несчастными, неосторожными, умышленными (злостными). Банкроты, признанные несчастными или неосторожными, получали шанс возобновить свое дело, злостному банкроту этот путь был закрыт.

Заключение

Во второй половине XIX — начале XX в. 99 екатеринбургских купцов были признаны банкротами. Количество банкротов по отношению к общему числу купцов за весь исследуемый период никогда не достигало значительных показателей. Большинство банкротов принадлежало к разряду мелких и средних предпринимателей, поэтому их разорение не оказывало существенного влияния на региональный рынок. В исследуемый период имело место банкротство крупных предпринимателей (Д. И. Андреевой, К. А. Баландиной, И. И. Симанова, братьев Агафуровых, Бородиных, Ушковых). Их разорение оказало разнонаправленное воздействие на рынок. Отрицательным моментом являлись убытки, понесенные многими кредиторами, что поставило часть из них на грань разорения. Относительно положительным моментом краха крупных купцов можно считать переход их торгово-промышленных заведений к новым собственникам. Во второй половине XIX — начале XX в. по делам несостоятельных должников было учреждено шесть администраций и 93 конкурсных управления. Преобладание конкурсных управлений доказывает, что в основе действий кредиторов лежало желание максимального возврата долгов и устранения в лице банкротов опасных конкурентов. Банкротства купцов являлись результатом влияния негативных факторов разного характера (общероссийских, региональных и индивидуальных), нередко взаимодействовавших.

Источники

- ГАПК — Государственный архив Пермского края. Ф. 111. Оп. 2. Д. 134, 148.
ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38; Ф. 8. Оп. 1. Д. 1318, 1919, 1986; Ф. 11. Оп. 5. Д. 4863; Ф. 12. Оп. 1. Д. 1663.
Дело о несостоятельности // Екатеринбургская неделя. 1891. 3 февр.
Закрытие конкурса // Уральская жизнь. 1905. 8 марта.
К краху банкирской конторы «Наследники Я. П. Андреева» // Уральская жизнь. 1904. 17 сент.
Несостоятельность // Пермские губернские ведомости. 1863. 15 февр.
Несостоятельность // Пермские губернские ведомости. 1863. 26 июля.
Несостоятельность // Пермские губернские ведомости. 1864. 12 марта.
Объявление // Екатеринбургская неделя. 1883. 19 окт.
Объявление // Екатеринбургская неделя. 1884. 1 февр.
Объявление // Екатеринбургская неделя. 1888. 3 янв.
Объявление // Екатеринбургская неделя. 1888. 17 янв.
Объявление // Пермские губернские ведомости. 1879. 5 мая.
Объявление // Пермские губернские ведомости. 1879. 20 июня.
Объявление несостоятельности // Уральская жизнь. 1901. 14 сент.
О несостоятельности // Пермские губернские ведомости. 1854. 26 нояб.
О совершенных крепостных актах // Пермские губернские ведомости. 1857. 9 авг.
Письма с Ирбитской ярмарки // Уральская жизнь. 1902. 1 февр.
Продажа имений // Пермские губернские ведомости. 1871. 28 февр.
Соглашение с кредиторами // Уральская жизнь. 1900. 24 сент.
Торги // Пермские губернские ведомости. 1866. 3 дек.
Торги // Уральская жизнь. 1906. 17 сент.
Учрежденная администрация // Пермские губернские ведомости. 1863. 12 июля.

Исследования

- Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы — купцы екатеринбургские. Екатеринбург : УрО РАН, 1998.
Байдин В. И. Яким Меркурьевич Рязанов // Главы городского самоуправления Екатеринбурга : исторические очерки / под общ. ред.: Е. С. Тулисова. Екатеринбург : СОКРАТ, 2008. С. 68–77.
Барышников М. Н. Деловой мир России : историко-биографический справочник. СПб. : Искусство-СПб : Logos, 1998.
Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты России. М. : Проспект, 2025.
Дмитриев А. В. Трагедия больших денег // Урал. 2000. № 3. С. 157–166.
Егоров В. Е., Рожнова К. Ю. Динамика развития права в сфере несостоятельности (банкротства) в дореволюционной России // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика, право и управление». 2017. № 5. С. 166–171.
Зубанов С. А. Эволюция системы несостоятельности в России // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2004. № 3. С. 84–86.
Лабазанова М. А. История зарождения и развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Юридические науки. 2020. № 8. С. 11–14.
Слепышев В. А. Становление и развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 9(190). Право. Вып. 23. С. 41–46.

References

- Ageev, S. S., & Mikityuk, V. P. (1998). *Riazanovy – kuptsy ekaterinburgskie* [The Ryazanovs – Merchants of Ekaterinburg]. Ekaterinburg: UrO RAN.
- Baidin, V. I. (2008). Iakim Merkur'evich Riazanov [Yakim Merkurievich Ryazanov]. In E. S. Tulisov (Ed.), *Glavy gorodskogo samoupravleniia Ekaterinburga: istoricheskie ocherki* [Heads of Ekaterinburg City Government: Historical Essays] (pp. 68–77). Ekaterinburg: SOKRAT.
- Baryshnikov, M. N. (1998). *Delovoi mir Rossii: istoriko-biograficheskii spravochnik* [The Business World of Russia: Historical and Biographical Reference Book]. St Petersburg: Iskusstvo-SPb; Logos.
- Bokhanov, A. N. (2025). *Kolleksionery i metsenaty Rossii* [Collectors and Patrons of Russia]. Moscow: Prospect.
- Dmitriev, A. V. (2000). Tragediia bol'shikh deneg [The Tragedy of Big Money]. *Ural*, 3, 157–166.
- Egorov, V. E., & Rozhnova, K. Yu. (2017). Dinamika razvitiia prava v sfere nesostoiatel'nosti (bankrotstva) v dorevoliutsionnoi Rossii [The Dynamics of the Development of Law in the Field of Insolvency (Bankruptcy) in Pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia "Ekonomika, pravo i upravlenie"*, 5, 166–171.
- Labazanova, M. A. (2020). Istoriia zarozhdeniia i razvitiia zakonodatel'stva o nesostoiatel'nosti (bankrotstve) [The History of the Origin and Development of Legislation on Insolvency (Bankruptcy)]. *Iuridicheskie nauki*, 8, 11–14.
- Slepyshev, V. A. (2010). Stanovlenie i razvitie zakonodatel'stva o nesostoiatel'nosti (bankrotstve) v Rossii [Formation and Development of Legislation on Insolvency (Bankruptcy) in Russia]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 9(190), Pravo, 23, 41–46.
- Zubakov, S. A. (2004). Evoliutsiia sistemy nesostoiatel'nosti v Rossii [The Evolution of the Insolvency System in Russia]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 3, 84–86.

Микитюк Владимир Петрович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
центра экономических исследований
Институт истории и археологии УрО РАН
620108, Екатеринбург, С. Ковалевской, 16
E-mail: vmikitjuk@mail.ru

Mikityuk, Vladimir Petrovich

PhD (History), Senior Researcher
Centre for Economic History
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, S. Kovalevskaya St., 620108 Ekaterinburg,
Russia
Email: vmikitjuk@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-7636-1839>